

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44
М69

Дизайн обложки Екатерины Елькиной

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Призрак в кривом зеркале : [роман] / Елена Михалкова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-117877-2

Частный детектив Марк Илюшин отправился в маленький провинциальный городок, чтобы поймать привидение... Старый дом, утопающий в цветах сирени, стал надежным пристанищем этого удивительного призрака.

Но история убийств, которые удалось раскрыть сыщику, оказалась намного страшней любой мистики. А ее участники мирно пьют кофе, улыбаясь друг другу, и определяют свою следующую жертву.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117877-2

© Михалкова Е.Н.
© ООО «Издательство АСТ»,
2020

ГЛАВА 1

Когда Макар вышел к нужному дому, уже стало смеркаться. Фонари не горели, и улица казалась подернутой нежной сиреневой дымкой, сгущавшейся к палисадникам и светлевшей к середине дороги, где в здоровенной сухой рытвине лениво развалилась пожилая коротколапая черная собака с толстыми боками.

— Пятнадцать дробь пять, — прочитал вслух Илюшин номер на доме и поправил спортивную сумку, висевшую на плече.

Прежде чем нажать на белую кнопку звонка, он оглянулся, подумал пару секунд и наконец перешел на противоположную сторону дороги, косясь на собаку. Шкура на ее боку собралась лоснящимися складками, словно кто-то художественно разложил отрез бархатной ткани.

— Откормили тебя, голубушка, — заметил ей Илюшин, проходя мимо.

Собака покосилась на него слезящимся глазом и тяжело вздохнула.

Остановившись возле столба, Макар непринужденно прислонился к нему и окинул взглядом улицу напротив.

Дом действительно был особенным, как ему и рассказывали. Двухэтажное бревенчатое здание на красной каменной подклети потемнело от времени, и старые наличники сливались со стенами, однако, приглядевшись, можно было рассмотреть замысловатые узоры резьбы. В четырехскатной крыше виднелись два квадратных окошка-бойницы, смотревших запылившимися стеклами в вечернее, налившееся красным небо. Те же окна, что выходили на улицу, казались чисто вымытыми, и на втором этаже за одним из них горел приятный мягкий свет, приглушенный желтыми шторами.

— Интересно, зачем наверху окошечки? — пробормотал себе под нос Илюшин. — Кто же придумал в такой крыше окошечки проделать?

Дверь со звонком разделяла дом на две половины, а над ней нависал потемневший бутафорский балкончик, также богато украшенный резьбой. К двери вели три широкие деревянные ступеньки, по которым Маркар поднимался несколько минут назад, заметив, что средняя проломилась и под ней можно разглядеть песок и сгнившие доски. Крайнее левое окно на первом этаже было плотно закрыто ставнями и, кажется, заколочено.

«Любопытно было бы узнать, сколько лет дому. Заря Ростиславовна сказала, что это дореволюционная постройка, но в таком случае он удивительно хорошо сохранился...»

Справа и слева от двухэтажного здания прятались за палисадниками с традиционной сиренью одноэтажные дома, казавшиеся небогатыми родственниками рядом со своим высоким соседом, хоть и обедневшим, но сохранившим мрачное достоинство. Во дворе правого, выкрашенного сочной синей краской, стоял высокий седой старик в ватнике, с садовыми ножницами в ру-

ках, и поглядывал на Илюшина. Слева же никого не было: только за окнами, казалось, мелькали какие-то силуэты — но, приглядевшись, Макар решил, что это лишь игра теней.

Собственно, на левом домике улица обрывалась, превращаясь в тупичок: отсюда начинались густые заросли боярышника, в которых шуршало, шелестело и издавало негромкое ворчание какое-то существо. За боярышником неуловимо чувствовалась вода: Илюшин даже принялся, но уловил лишь аромат сирени, все сильнее наполняющий вечер.

В двухэтажном доме зажглось второе окно, и Макар решился. Он уже сделал шаг по направлению к двери с белым звонком, как вдруг из кустов боярышника вышмыгнула ободранная кошка и стрелой пролетела мимо собаки. Кусты за ней продолжали шевелиться, будто в них осталось сидеть, поджидая добычу и устраиваясь поудобнее, молчаливое чудище. Собака, даже не взглянув вслед кошке, приподняла плешивую голову и опасно покосилась сначала на заросли, затем на человека, замершего в двух шагах от нее.

Ступеньки не скрипнули, когда Илюшин поднялся на крыльцо, но ему показалось, что за долю секунды до нажатия на кнопку звонка внутри, за дверью, кто-то негромко вздохнул.

Трель мелодично разнеслась по дому, минуту спустя внутри зазвучали шаги, и Макару открыли.

— Здравствуйте. — За дверью стоял белобрысый парень лет двадцати с небольшим — высокий, тощий, бледный, с прищуренными глазами. Кадык на шее у него выпирал так, словно парень проглотил что-то острое, вставшее поперек горла. За спиной парня горела тусклая лампочка, и в дверную щель Макар разглядел старый кованный сундук, накрытый сверху темно-синей потертой скатертью.

— Добрый вечер, — Илюшин обаятельно улыбнулся, сбросил с плеча спортивную сумку. — Мне сказали — у вас можно комнату снять?

Парень окинул Макара внимательным взглядом, словно ощупал.

— Можно... — протянул он, и на лице его появилось подобие приветливой улыбки, хотя в глазах осталась настороженность. — Проходите, пожалуйста.

Илюшин вошел в дом, и дверь за его спиной стала закрываться сама. Последнее, что он увидел снаружи, обернувшись, был внимательный, почти человеческий взгляд собаки.

— Откуда вы узнали о нашей гостинице? — Парень приглашающим жестом указал на тускло освещенную лестницу.

— В санатории рассказали, — не моргнув глазом солгал Илюшин. — Я хотел бы сначала посмотреть комнату...

— Разумеется! — Провожатый с каждой секундой становился все дружелюбнее, и отчего-то это совершенно не нравилось Макару. — Сейчас все комнаты свободны, поэтому я покажу вам самую лучшую... Надеюсь, она вас устроит.

Поднявшись на второй этаж, парень порылся в кармане и извлек оттуда ключ с маленьким номерком.

— Прошу вас.

Он открыл дверь, включил свет, и Макар оглядел небольшую, но уютную комнату, ничуть не похожую на казенные безликие номера в гостиницах.

— Дом старый, поэтому ванн комнат только две — на первом и втором этаже, — предупредил парень. — Одна неделя проживания с завтраками и ужинами стоит семь тысяч, без питания — пять. Если вас устраивает цена...

— Устраивает! Более чем устраивает! Если бы вы видели, какие номера предлагают в вашей санатории... К тому же мне всегда хотелось пожить в старом доме, проникнуться, так сказать, его духом! И завтраки с ужинами тоже нужны, как же без них...

Илюшин болтал, играл в дурачка, осматриваясь с непритворным любопытством, не давал вставить тощему ни одного слова, в то же время стараясь не перегнуть палку. Опасности, о которой говорила ему Заря Ростиславовна, он не чувствовал, и это было странным и неожиданным: ведь откуда-то взялась напряженность в этом бледном тонкогубом парне с холодными голубовато-серыми глазами. Напряженность Илюшин чувствовал позвоночником, он улавливал флюиды неприязни и страха, исходившие от провожатого. Но дом пока затаился, недоверчиво рассматривая нового человека, не выдавая себя ничем. «Интересно будет проверить, что же здесь в действительности...»

Дверь наискось от них открылась — Макар успел удивиться тому, что за ней собрались четыре человека, однако он не слышал голосов, — и из освещенной комнаты вышла высокая белокурая дама с такой гладкой, почти фарфоровой кожей лица, что на мгновение в памяти Илюшина всплыла немецкая кукла, виденная им в гостях, когда он был ребенком. Те же большие глаза, чуть припухшие снизу, красиво очерченный рот, маленький носик и нарисованные брови над внимательными голубыми глазами. И такая же фарфоровая улыбка — немного застывшая, чуть более радушная, чем требуется, слегка искусственная, словно дама и в комнате сидела с тем же выражением лица, с которым вышла к гостю. Бежевое вязаное платье с длинным кружевным подолом облегало стройную фигуру, а на шее посверкивал золотой кулон в форме цветка.

— Здравствуйте, — сказала дама, плотно прикрывая за собой дверь. — Вы наш новый гость?

— Хотел бы им стать! — Илюшин сопроводил свои слова чем-то вроде галантного полупоклона. — Меня зовут Макар Андреевич.

— Эльвира Леоновна.

Дама протянула тонкую желтоватую руку, которую Макар поцеловал, как от него и ожидалось.

— Эдинька, — проговорила дама, и Илюшин не сразу понял, что нежное обращение предназначено стоявшему позади него неприятному молчаливому субъекту. — Куда мы поселим Макара Андреевича?

— В зеленую комнату, — так же мягко отозвался парень, названный Эдинькой. — Оттуда как раз недавно уехали...

— Замечательно! А что касается расчетов...

— Мы уже все решили, — успокоил ее парень. — Мама, Макар Андреевич только с дороги...

— «Мама»?! — Илюшин сыграл изумление очень естественно. — Простите, совершенно не ожидал... Вы так выглядите...

Он взмахнул руками, словно пытаясь нарисовать образ Эльвиры Леоновны в воздухе, окончательно запутался, смутился и замолчал.

— Вы еще не знакомы с тремя моими другими детьми, — рассмеялась хозяйка. — Прошу, проходите в свою комнату, а потом приглашаю вас поужинать.

— Ванная комната в конце коридора, — любезно сообщил Эдуард, отдавая гостю два ключа. — Вот ключ от входной двери, вот — от вашей. Если хотите, мы станем будить вас по утрам. К которому часу вам нужно приезжать в «Залежный»?

— К десяти, иногда к одиннадцати, — рассеянно ответил Макар, поставив сумку на пол. — Я уточню

график процедур. Кстати, какой транспорт туда идет?

— Автобус. — Илюшину показалось, что в голосе парня прозвучало скрытое злорадство. — А что ж вы не на машине? Расстояния у нас тут не маленькие...

— Ничего, доберусь. Вы, Эдуард, разбудите меня завтра, пожалуйста, в девять. Погуляю, с городом познакомлюсь...

Тот молча кивнул. Ростом чуть ниже Макара, Эдуард держался очень прямо, высоко задрал подбородок, и делал все возможное, чтобы смотреть на Илюшина сверху вниз. Не собираясь ему в этом препятствовать, Макар подвинул к себе стул с плюшевым, слегка вытертым сиденьем, уселся и снова улыбнулся Эдуарду.

— Пожалуй, я не буду сегодня ужинать. Лучше пораньше лягу спать.

— Как вам будет угодно.

— Благодарю, Эдуард. Не смею вас больше задерживать. Вы и так уже проявили больше заботы, чем я смел надеяться.

Догадка о том, что гость издевается над ним, промелькнула в голове Эдуарда, но приехавший выглядел довольно-таки бесхитростно, и он отогнал от себя подозрения. «Дурачок. Очередной богатый московский студентик, решивший подлечить спину за папины денежки. Впрочем, не очень-то и богатый, раз приехал на поезде, а не на машине».

Он сделал неопределенный жест рукой и вышел из комнаты, пожелав гостю на прощание спокойной ночи.

Как только тяжелая дверь за ним закрылась, Макар вскочил со стула и обошел комнату, заглянул в шкаф, под кровать, внимательно изучил полки. Наконец он остановился посередине и задрал голову, рассматривая потолок с красивой двухъярусной люстрой, удивительно не вписывавшейся в строгую обстановку.

— Да, все именно так, как рассказывали... — про-
бормотал он.

Обклеенная бледно-зелеными обоями небольшая комната была обставлена весьма продуманно: письменный стол с множеством ящиков — древний, но тщательно отреставрированный; огромный деревянный шкаф с потрескавшимися дверцами, в котором Илюшин обнаружил несколько новых вешалок, а заодно порадовался его вместительности; инкрустированный дряхлый комод возле двери, над которым висело зеркало в широкой потемневшей раме... Только кровать выглядела относительно новой — широкая и с хорошим матрасом, впрочем застеленная пожелтевшим покрывалом, которое когда-то явно было белым. Телевизора нет, но на одной из полок шкафа обнаружились, к большому удовольствию Макара, книги: и Дюма с Мериме, и сборник Сименона, и Лесков в толстом переплете, и даже «Записки у изголовья».

— Неплохая подборка, — одобрительно заметил Илюшин и подошел к окну.

Комната его выходила на улицу — окна были по соседству с бутафорским балкончиком, — и в сгустившихся сумерках Макар разглядел рытвину, в которой раньше лежала собака, но самой собаки не обнаружил.

Смеркалось очень быстро, и майский вечер наполнился вечерними запахами: по-прежнему пронзительно и нежно благоухала сирень, тянуло зеленью вперемешку с сигаретным дымом, напоминал почти неуловимым душком о своей близости то ли пруд, то ли лужа, и от наружных стен дома доносился слабый, но узнаваемый запах старого дерева, неторопливо просыпающегося к концу весны после зимнего тяжелого сна.

«А голосов-то так и не слышно, — напомнил себе Илюшин. — Из чего делаем вывод: либо здесь замечательная звукоизоляция, что удивительно для старого

деревянного дома, либо эти люди, находящиеся всего через одну комнату от меня, молчат. А зачем молчать такой дружной семье, в которой четверо детей и все живут со своей прекрасной обожаемой мамой?»

Он задернул плотные шторы, а вместо люстры включил небольшую лампу, стоявшую возле кровати. Комната сжалась вокруг небольшого круга света, окрашенного в изумрудный цвет абажура. «Зеленая комната», — вспомнил Илюшин. Он переоделся, достал пакет с полотенцем и зубной щеткой, но перед тем как идти в ванную комнату, спохватился, вытащил из карманов сумки телефон и набрал номер.

— Серега? — сказал Макар, услышав в трубке знакомый голос. — Я на месте.

Ксения приоткрыла дверь, и три тени послушно скользнули в дом. Девушка подождала немного, но четвертая не появлялась, и тогда она обернулась, позвала, вглядываясь в темноту сада:

— Лютик! Лютик, домой!

Кот неслышно появился у ног, и Ксения чуть не вздрогнула. Черный зверь поднял на нее желтые глаза, похожие на две маленькие луны.

— Пойдем, пойдем, — успокаивающе сказала Ксения. — На сегодня прогулки закончены.

Кот нервно обмахнул себя пушистым хвостом и быстро вбежал в дом. Нахмурившись, она посмотрела ему вслед — Люцифер вел себя не так, как обычно.

— Вольер закрыла? — крикнул отец из гостиной.

— Сейчас проверю.

Она спустилась в сад, прошла по дорожке до просторной клетки и убедилась, что закрыла задвижку. В темноте казалось, что внутри вольера кто-то движется от стены к стене, но Ксения знала, что это кусты качаются позади клетки от ветра.

Дом стоял на холме, и сверху Ксения видела россыпь огоньков: самые яркие — в центре, а на окраине Тихогорска они тускнели, прятались в зарослях садов, где город уже становился не городом, а городком. Она постояла, ежась под порывами ветра — здесь, наверно, он всегда задувал свирепее, хотя холм был не высокий, так, небольшая возвышенность. Ветер прогонял глупые мысли, и Ксения постаралась представить как можно четче, что он развеивает темное облако ее усталости, накопившейся за время работы в больнице, уносит противный привкус обреченности и бессмысленности, представлявшийся ей похожим на вкус вареной луковицы.

Из дома ее окликнул отец, и она вздрогнула.

«Я становлюсь слишком нервной. Дергаюсь непонятно от чего весь вечер».

Среди облаков, стремительно мчавшихся по ночному небу, проглянула луна, которая сегодня была совсем не похожа на кошачий глаз, скорее — на желтый бутон цветка кубышки, который они в детстве ошибочно звали кувшинкой: с темными прожилками, бегущими от основания бутона к верхушкам крепко сложенных толстых лепестков. Ксении показалось, что за кустами на склоне скользнула какая-то тень, но она убедила себя, что это лишь игра ее воображения.

Все же, возвращаясь домой, она дважды обернулась, чтобы удостовериться, что все спокойно и тихо. Чувство тревоги так и не отпустило ее, и на крыльце она негромко позвала, непонятно почему испугавшись звука собственного голоса:

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

В доме негромко мяукнул кот, а следом отец удивленно спросил:

— Что там, Ксения?

— Ничего, — поколебавшись, ответила она. — Показалось, наверное.

Ксения плотно закрыла за собой дверь. Спустя минуту из кустов на склоне холма поднялся человек и застыл, внимательно изучая дом, в котором скрылась девушка.

Макар допоздна читал книгу, пока наконец не почувствовал, что засыпает. Он выключил ночник, уронил голову на подушку и почти сразу услышал звук, донесшийся непонятно откуда. Сев на кровати, Илюшин прислушался, но вокруг было тихо.

Он все-таки встал, подошел к окну, осторожно отодвинул штору, быстро оглядел улицу. Никого. Сытая луна висела низко над темными домами, и по отсутствию отблесков Макар видел, что и в гостинице Эльвиры Леоновны никто не полуночничает. Он бросил взгляд на часы — стрелки показывали начало второго.

Звук раздался снова — на этот раз внутри, определенно на его этаже: тоненький, высокий, повторяющийся со странной монотонностью. Макар торопливо натянул джинсы и подошел к двери. Пару секунд он колебался, прислушиваясь, затем бесшумно отодвинул щеколду и потянул дверь на себя. В приоткрывшуюся щель упала полоса тусклого света: в коридоре горела бледно-желтая лампочка, больше напоминавшая свечу.

Ступая босыми ногами по дощатому полу, Илюшин вышел в коридор и остановился. Дальнее окно в конце коридора, выходящее в сад, было завешено в точности такой же зеленой шторой, как и в его комнате. И штора эта шевелилась.

Волна начиналась сверху, пробегала до середины и вдруг исчезала, словно кто-то сердито встряхивал зеленую материю, а затем прижимал ее рукой. Несколь-